

А. М. ПАНЧЕНКО и В. П. СТЕПАНОВ

**«История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешьской»
и ее источник**

Русское государство в XVI—XVII вв. не поддерживало с Чехией интенсивных и постоянных дипломатических отношений. Но общий интерес к различным сведениям о Чехии не угас совершенно — в Москве, пожалуй, помнили касающиеся избрания императора слова Поппеля: «А будет спор между теми, которые выбирают, и они позовутся на чешского короля, кого захочет чешской король, той будет цесарь». Поэтому московские дипломаты постоянно получали поручения собирать всевозможные известия о Чехии (разумеется, наряду с другими государствами); иностранцы, которые приезжали на Русь, также сообщали новости, касающиеся Чехии.¹

Хотя русско-чешские культурные связи конца XVI—начала XVII в. не были особенно интенсивными² и мы в общем согласны с А. В. Флоровским, что — особенно после Белой Горы — «Чехия не являлась чем-то вполне конкретно осознаваемым, поскольку империя Габсбургов заслонила ее в русском, и в частности московском представлении», мы все же располагаем некоторыми фактами русско-чешских связей этого периода.

В 1570 г. виднейший деятель общины «Чешских братьев» Ян Рокита безуспешно пытался проповедовать Ивану Грозному свое учение. Известна также попытка Бориса Годунова привлечь на русскую службу чешских мастеров, ремесленников. Для нас, несомненно, интересна история авантюриста «чешского графа Шлика», который появился в Москве в 1642 г. Этому «Левке Шлякову, графу Чешскому», как его звали на Руси, удалось возбудить сочувствие при дворе, изобразив «войну жестокою, мучительством великое» в Чехии, католические притеснения и преследования чешских подданных. В XVIII в. на Москву — обычно в составе имперских посольств — приезжали и другие чешские путешественники (сохранились произведения, где уделяется место и описанию Руси).

Некоторые чешские книги попадали в библиотеки Московской Руси (например, «Хроника» Гайка; в одной из рукописей XVII в. содержится транскрипция чешского текста — предисловия из «Гербария» Маттиоли). Русский читатель узнавал о Чехии из Хронографа западнорусской редакции, из различных космографий и т. п.

¹ Исторический материал о русско-чешских отношениях см.: А. В. Флоровский. 1) Чехи и восточные славяне, т. II. V Prage, 1947; 2) Чешские струи в русском литературном развитии. — В кн.: Славянская филология, II. М., 1958.

² Имеем здесь в виду отношения Чехии и Московской Руси, ибо та же проблема относительно западнорусских областей предстает в ином свете. Достаточно указать, например, на деятельность Фр. Скорины, на «Житие Алексея, человека божия» и «Сказание о Сивилле-пророчице», переведенные с чешского, на влияние чешского языка на деловую письменность.

Факты непосредственных литературных связей Чехии и Московской Руси в XVII в. крайне немногочисленны; прямые связи существовали между чешской письменностью и письменностью литовско-русских областей. В XVI—XVII вв. чешская и польская литературы были тесно связаны (чешский язык был в Польше языком высших слоев шляхты). Поэтому как белорусская, так и украинская среда переняли некоторые памятники чешской литературы, либо международные средневековые произведения в чешской обработке. В литературе собственно русской только повесть о Брунцвике свидетельствует о прямых взаимоотношениях с чешской литературой.

В связи со всем сказанным тем больший интерес представляет так называемая «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешьской», известная в двух списках³ — ГПБ, Q.XVII.12 (далее — Л) и бывш. Киевского церковного археологического музея 888 (747₁) (далее К). Список Л находится в скорописном сборнике XVII в. (последняя четверть). Содержание его таково: «Фрашки, сиречь издевки...» (лл. 1—67 об.); «История... о Бохеме» (лл. 68—86), «Повесть утешная о купце, который заложился з другим о добродетели жены своея» — перевод повести Барнабаша (Barnabasz) «Historja jako się zasnu kupiec z drugim kurcem na snotę żony swej założył». На л. 1 следующее указание: «Добре с польска исправлены языка и читать поданы, сто осмьдесят осмага ноемвриа дня осмага. Преведшаго же имя от Б начинаемо, в числе 1503 слагаемо». Имеются две скрепы: «Сия книга Бориса Лукина сына Секиотова» (лл. 1—6) и «Borisa Siekiotowa» (лл. 68—69). На л. 102 читается несколько владельческих приписок первой половины XVIII в. (Ивана Алексеевича Зубова, «служителя дому господина майора Ивана Дмитриевича Дубровзского» и др.). Можно предполагать, что все произведения сборника написаны одной рукой — незначительные видоизменения почерка вполне объясняются сменой перьев.

Список К входит в состав скорописного сборника 1670—1720 гг. (лл. 472—489; почерк конца XVII в.). Сборник включает отдельные статьи и выписки из различных космографий и т. п., а также Повесть о посаднике Щиле и Историю о Казанском царстве.⁴

В «Истории о Бохеме» излагается чешская история начиная с прихода Чеха и Леха. Рассказывается о княжении и судах Крока, о его дочерях, воцарении и пророчестве Либуши и Пршемысла, основании Праги и других городов, о девичьей войне в Чехии, о смерти чешских святых Вацлава и Людмилы, об Иване «королевиче карвацком» и других событиях. В конце перечисляются чешские государи от Болеслава Милостивого до Рудольфа II (до 1611 г.). На полях рукописи, против сведений о Вацлаве и Людмиле, сделаны соответствующие ссылки на их проложные жития. Имеются также глоссы: «боцян» — «птица анст», «вешка» — «гадачка», «з гетманом» — «с воеводою» и т. д.

Два известных нам списка «Истории вкратце» очень близки друг к другу, даже по почерку. Разночтения, хоть и многочисленные, незначительны по содержанию. Разница между списками главным образом в орфографии, изредка встречаются лексические замены, имеются пропуски слов, чаще всего служебных. Однако ясно, что списки во всяком случае написаны разными лицами. В списке К обнаруживаются отчетливые орфографические тенденции, отличные от орфографии списка Л: в К «государь-

³ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 94—95.

⁴ Подробное описание см.: Александр Лебедев. Рукописи церковно-археологического музея императорской Киевской духовной академии, т. I. Саратов, 1916, стр. 445—447.

ство» всегда с «ь», в Л — всегда без «ь» (4 примера); в К — сочетание «имеет, начал быть», в Л — «...бысть» (3 примера); в К — «обрезывали, обрезавши», в Л — «отрезывали, отрезавши»; в К — «кролевание, кролевал, врожде, пред» (2 примера), в Л — соответственно полногласные формы: «королевал, королевание, ворожде, перед». По-видимому, между списками К и Л имелся по крайней мере еще один, нам неизвестный.

Первое упоминание об «Истории вкратце» относится к 1888 г. и принадлежит И. И. Перволюфу. «Один любитель чешской истории, — писал он, — в Москве в XVII веке составил, по М. Бельскому, древнюю историю Чехии до кончины св. Вячеслава, а дальше приводит только имена чешских государей до Рудольфа II».⁵ И. И. Перволюфу был известен только один список «Истории» — он пишет о «рукописи имп. публ. библиотеки» (список Л). И. И. Перволюф считал «Историю вкратце о Бохеме» тождественной главе о Чехии в Космографии 1670 г.⁶

Иржи Поливка, по-видимому, познакомился с «Историей» во время занятий в библиотеках Петербурга и Москвы в 1889—1890 гг. «История», по его мнению, — «отрывок, обработанный на основе М. Бельского». И. Поливка обратил внимание на некоторые белоруссизмы — частую мену «а» и «о», например.⁷

В 1892 г. М. Мурко, не знавший ни работы И. Полипки, ни вышеприведенного упоминания И. И. Перволюфа, опубликовал маленькую заметку, касающуюся «Истории о Бохеме».⁸ М. Мурко, как явствует из его заметки, только бегло ознакомился с рукописью (Л). Он обратил внимание на некоторые полонизмы в тексте (вешка — wieszczka, польское название Силезии — Сленск) и предположил, что «История» переведена с польского и «взята из какой-нибудь космографии». Основанием для такого утверждения послужили слова «иже пишутъ космографове».

А. И. Соболевский указал еще на один список «Истории о Бохеме»⁹ (К). По его мнению, оригинал «Истории» «или чешский, или — скорее — сделанный с чешского польский, нам неизвестный» (Соболевский сравнивал «Историю о Бохеме» с «Хроникой» Гайка). Он отметил также «такое огромное число полонизмов, что переводчиком должно считать поляка». Отрывки «О пустынноике Иване» он считал выдержкой из текста «Истории о Бохеме» и, кроме того, предположительно соотносил с ней статью «О архиепископе Венцлаве, что в Кракове». Несомненно, что работы И. Полипки и И. Перволюфа были Соболевскому неизвестны.

А. Брюкнер в книге «О литературе русской...» в перечне переведенных с польского сочинений упомянул и «Историю вкратце»: «Istorja wkratce o Vochomie jeze jest o zemli czeskiej — z polskiego oryginału, ale jakiego?».¹⁰

Указание на сборник Публичной библиотеки, в котором содержится «История вкратце», имеется в «Отчете» В. Н. Перетца.¹¹ «История» здесь специально не рассматривается — главное внимание посвящено «фрашкам».

⁵ И. Перволюф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 425—426.

⁶ Там же, стр. 456.

⁷ J. Polívka. Česká kronika v ruské literatuře starší, Časopis Českého Musea, R. LXV. V Praze, 1891, стр. 303, 305.

⁸ M. Murko. Eine «Geschichte» von Böhmen in russischer Sprache. — Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1892, XIV, стр. 158.

⁹ А. И. Соболевский. Переводная литература..., стр. 94—95.

¹⁰ Alexander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzystu. Lwów, 1906, стр. 82.

¹¹ В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербурге. — Университетские известия. Киев, 1912, № 7, год LII, июль, стр. 77—80.

А. В. Флоровский посвятил нашей «Истории» две страницы,¹² указав все заметки и ссылки на нее. Он, вслед за Первольфом и Поливкой, считает, что «История о Бохеме» была написана на основе «Хроники всего света» М. Бельского. «При этом „История“ эта обработана была уже в начале XVII в., почему в ее последних строках названы и имена чешских государей, что царствовали после 1531 года, когда список обрывается у Бельского, вплоть до 1611 года, т. е. до Рудольфа II». А. В. Флоровский считает вероятным, что «История вкратце» была извлечением из 76-главной Космографии, допуская, впрочем, и обратную возможность — что «редактор Космографии воспользовался отчасти уже существовавшей особо «Историей».

Итак, существующие мнения об «Истории вкратце» можно свести к следующему: «История» представляет собой переработку соответствующей статьи из «Хроники света» М. Бельского (никто не пытался указать, с какого конкретно издания); «История» родственна — а иногда предполагается, что и тождественна — 7-й главе Космографии 1670 г., изданной Н. Чарыковым.¹³

Вывод о «Хронике всего света» М. Бельского как источнике «Истории вкратце о Бохеме», сделанный И. И. Первольфом и подтвержденный И. Поливкой и А. В. Флоровским, несомненно, базируется на предисловии Н. Чарыкова к изданию Космографии 1670 г. Последний определил, что основой для Космографии послужил «Атлас» Меркатора, переведенный в 1637 г. переводчиками Посольского приказа Богданом Лыковым и Иваном Дорном. Семь глав Космографии — с шестой по двенадцатую — составитель заимствовал, по мнению Н. Чарыкова, из «Хроники» М. Бельского. Н. Чарыков сравнивал Космографию с русским переводом «Хроники всего света».¹⁴

Для того чтобы определить, восходят ли «История вкратце» и соответствующая (седьмая) глава Космографии к одному источнику, необходимо установить взаимоотношения обоих текстов. Сравнение их приводит к убеждению, что мы имеем дело с переводами польского источника, причем разными переводами этого источника. Важнейшие различия следующие.

1) В Космографии указан год прихода Леха и Чеха (644 г.); в «Истории о Бохеме» точная дата не названа. Имеется только общее указание: «при цесаре константинопольском Константине Третьем, при папе Иванне Четвертом князи карватские Чех с Лехом, братия родные, внуцы Еванове, в те крае пришедше».

2) В рассказе о суде Крока над пахарями в «Истории вкратце» виновный «иного вала купил»; в Космографии изложен только приговор князя.

3) Когда дочери Крока по смерти отца спрашивали у народа, которой из них править, люди предложили им бросить жребий (Космография); в «Истории вкратце» иначе: «Все люди то сказали, чтобы все три судили государство чешское. Тогда они сами между собой жребий метали, которая имеет быть государынею их».

4) В легенде о девичьей войне в Чехии Чтырад, захваченный в плен, откупился за десять тысяч золотых («История о Бохеме»); в Космографии Чтырад и с ним тридцать человек были посажены на кол.

¹² А. В. Флоровский, Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 79—82.

¹³ Любопытно, что А. И. Соболевский, считавший 76-главную Космографию «переводом неизвестной... компиляции немецкого происхождения, в латинском или немецком языке, составленной или изданной в 1611 г.», время составления этого неизвестного немецко-латинского оригинала определял на основе окончания статьи о Чехии, которая доведена как раз до 1611 г. (Переводная литература..., стр. 65).

¹⁴ Н. Чарыков. Предисловие в кн.: Космография 1670 года. СПб., 1878—1881, стр. 46.

5) В Космографии говорится, что Власта «храбрость показа, яко вторая Пентезилея», в «Истории вкратце» — что Власта была «с тылу убита, яко другая Пентезилия».

6) В «Истории о Бохеме» нашедший серебро и золото «Хоример за-метал оные горы, иже бы их никто не сыскал, и мастеров побил». Князь повелел его поймать и «зжечь за такое убийство и убытки». В Космографии, напротив, сказано, что Горимир «горники поставил» и наказание воспоследовало «за ... гордости и шкоды».

7) Весь пассаж о погребении «по языческому обычаю» Борислава, «первого князя христианского», в «Истории о Бохеме» выпущен.

8) В Космографии, в рассказе об «Иване, королевиче карвацком», говорится, что «елень» «оною водою нача псы парить аки варом, сиречь кипячею водою»; в «Истории вкратце» эта деталь отсутствует.

9) Имеются также менее примечательные смысловые различия: Власта и ее войско в «Истории о Бохеме» сравниваются с амазонками, чего нет в Космографии; Горимир в «Истории» убегает из «вышеградския роши», в Космографии — «из града Вышеградского» и т. п.

Сравнение языка «Истории о Бохеме» и седьмой главы Космографии убедительно показывает, что мы имеем дело с совершенно самостоятельными переводами.

Язык «Истории вкратце» резко отличается от архаического, с частыми имперфектными формами языка Космографии.

Для наглядности приводим несколько примеров:

Космография 1670 г.

Они седше и ядоша с ним, и бесе-
дующе о разных вещех. И зряще на ня,
в недоумении быша.

И абие радость и веселие было ве-
лие, людие же вси подданство свое воз-
даваху, яко гусударю своему.

Аще девиц боишися, а жен како не
имаши боятися.

«История вкратце о Бохеме»

Они же сидели и ели с ним, разгова-
ривали о разных речах. И засмотрелся
на нее.

Там веселие было велико учинено,
где все ческие жители подданство свое
ему обещали.

Когда ся девок боишися, а еще бы-
ты баб не блюся.

Сравнение обнаруживает и некоторое различие в принципах перевода. В Космографии говорится о «панах радных», «раде сенаторской и шляхетской», «сейме (сонме)», в «Истории вкратце» всегда о «боярах думных», «думе боярской, дворянах»; в Космографии — о «божественной литургии», называются «костелы каталицкие», польское *Erzu* переводится «Юрьи», упоминается о «произволении и благословении папешском»; в «Истории вкратце» этим случаям соответствуют «обедня», «церкви», «Георгий», ссылка на папу римского вообще отсутствует. Эти различия тем более значительны и интересны, что полонизмов в Космографии несравненно меньше, чем в «Истории вкратце» (кролевание, кролевать, чехова шапка — творительный падеж — польск. *czechową szarką*, справца, постоянно предлог «до» в значении «к», «в» и т. д.).

Итак, сравнение текстов «Истории вкратце о Бохеме» и седьмой главы Космографии позволяет считать несостоятельным мнение о родственности переводов, тем более об их тождественности. Несомненно, что мы имеем дело не с редакциями или вариантами одного текста, а с совершенно самостоятельными переводами.

Источником «Истории вкратце», как и седьмой главы Космографии, считается «Хроника всего света» Мартина Бельского. О количестве и хронологии изданий «Хроники» единого мнения не существует; ясно, впрочем, что последнее прижизненное издание было в 1564 г., следующее, и

последнее, — в 1582 г.¹⁵ Мы пользовались имеющимся в ГПБ экземпляром издания 1564 г., которое включает в себя статьи первых трех изданий и, как нужно полагать, тождественно изданию 1582 г. Глава о Чехии попала, как известно, в западнорусский Хронограф («О Чесском кролевстве кроника»). Имеется также несколько русских переводов «Хроники» М. Бельского, но только один из них¹⁶ содержит главу о Чехии. Ни польский текст, ни русские переводы не могут быть признаны близкими к «Истории о Бохеме» и седьмой главе Космографии 1670 г. Во-первых, у М. Бельского и в русских переводах его дается погодное изложение событий. В Хронографе и первом великорусском переводе отсутствует эпизод, служащий введением к «Истории о Бохеме» и седьмой главе Космографии, — нечто вроде общего вступления о стране, языке, населении. У М. Бельского этот эпизод имеется несколькими страницами раньше, в разделе «О немецких землях».¹⁷ В «Истории» и седьмой главе Космографии нет ряда эпизодов, содержащихся в «Хронике о Чешском королевстве» М. Бельского и в русских переводах ее. Выпущены рассказ о заложении Лехом польских городов, статьи о заложении Иглавы, княжении Вршовца, о войне с немцами и распри между Кршесомыслом и Вратиславом (под 895 г.), о море в Чехии, о Яне Гусе и Иерониме Пражском, упоминание о гуситском движении, не названы многие чешские князья и короли. С другой стороны, перечисленные в «Истории о Бохеме» и седьмой главе Космографии правители Чехии конца XVI—начала XVII в. (до 1611 г.) не упоминаются, естественно, в польском тексте и русских переводах М. Бельского.

Не останавливаясь на других многочисленных, но не столь значительных различиях, поскольку и приведенный материал дает основание считать, что прямой связи ни с «Хроникой о Чешском королевстве» М. Бельского, входящей в состав «Хроники всего света», ни с русскими переводами ее «История вкратце» и седьмая глава Космографии 1670 г. не имеют. Либо наши тексты были действительно самостоятельно обработаны на Руси, как считали И. И. Первольф, А. В. Флоровский и другие исследователи, либо они переведены с другого источника, в достаточной мере близкого к «Хронике» М. Бельского.

Этим источником главы о Чехии в Космографии 1670 г. и «Истории о Бохеме» послужил польский перевод «Истории Европейской Сарматии» Александра Гваньини, изданный в Кракове в 1611 г.,¹⁸ точнее — две первые части 6-й книги. Переводил книгу с латыни на польский язык малоизвестный поэт Мартин Пашковский. В заглавии «Истории Европейской Сарматии» говорится, что по-польски она издана с дополнениями, которых нет в латинском издании 1581 г.: «А в этот раз с прибавлением тех королей, которых в латинской нет: то есть королевств, княжеств, инсул, земель Славянских, Волошской, Паннонии, Богемии, Германи, Дании, Швеции, Готии и т. д. Стараниями того же автора с великим усердием с латыни на польский переведена и разделена на 10 книг и коротко изложена».¹⁹

¹⁵ См.: Ludwik F i n k e l. Bibliografia historii polskiej. Warszawa, 1955, w. I, № 7152, стр. 412. — Указаны издания 1551, 1554, 1562, 1564, 1582 гг.

¹⁶ ГПБ, F.IV.162, 1584 г.; по определению А. И. Соболевского — «первый великорусский».

¹⁷ Marcin Bielski. Kronika wszystkiego swiata. Kraków, 1564, л. 291 об.

¹⁸ Kronika Sarmáciey Europejskiej, w ktorej sie zamyka krolestwo Polskie ze wszystkiemi Państwami... Przez Alexandra Gwagnina z Werony... W Krakowię, Roku 1611.

¹⁹ «A teraz zaś z przyczynieniem tych Krolow, ktorych w Lacińskiej niemaśc; Tudzież Krolestw, Państw, Insul, ziem Słowińskich, Wołoscey, Pannoniey, Bohemiey, Germaniey,

«Того же автора» — из контекста заглавия нужно понимать как Александра Гваньини. Но на самом деле, как указывает Финкель,²⁰ переводчиком «Истории Европейской Сарматии» был Мартин Пашковский. Вряд ли А. Гваньини принадлежат и указанные дополнения польского издания 1611 г. Существует распространенное мнение, основанное на обывании Стрыйковским А. Гваньини в присвоении «Истории Европейской Сарматии», что А. Гваньини не был автором книг, которые выходили под его именем, а широко пользовался услугами секретарей. Очевидно, таким секретарем был и М. Пашковский, чью работу переводчика Гваньини не задумался приписать себе. Рассматривая вопрос о том, кто был составителем дополнений, следует признать наиболее вероятным и в этом отношении авторство М. Пашковского, так как трудно предположить, чтобы 73-летний сенатор с титулом виленского воеводы сам взялся за составление компилятивных (как будет показано ниже) дополнений, представляющих, в общем, механическое прибавление к книге.

Как автор М. Пашковский не самостоятелен. Его дополнения являются компиляцией из «Хроники всего света» М. Бельского. Упоминание в главе «О Богемии краткая история» имени императора Максимилиана заставляет предполагать, что М. Пашковский пользовался изданием «Хроники» 1564 г., либо 1582 г., так как материалы о коронации его короной Священной Римской империи появляются впервые в издании 1564 г. Основной материал М. Пашковский берет из «Космографии», вошедшей в «Хронику» М. Бельского.

Имеющиеся здесь описания Швеции, Финляндии, Лапии (Лапландии), Гренландии, Готии, Исландии, Дании, Норвегии, Швейцарии, Немецких земель, Алазии, королевства Вестерих составили соответствующие статьи 6-й книги «Истории Европейской Сарматии». Эти главы попросту переписаны из М. Бельского и во всем его повторяют.

Статья «О Богемии краткая история» составлена М. Пашковским на основе вошедших в книгу Бельского «Хроники о Чешском королевстве» и «Космографии». М. Пашковский предпослал тексту общее описание Чехии, взятое из «Космографии». За ним следует небольшой отрывок, которого не находим у Бельского: «Они сначала основали замок над рекою Крупой, названный Псары; потом из-за недостатка места пошли дальше на юг. Оттуда Лех пошел на север. . . и осел в силезских и польских краях пустых; а потом с божьею помощью и до самой Вислы все прилежащие земли, Поморскую и Кашубскую, и другие даже до моря Немецкого, где теперь города Штеттин, и Любек, и Рсток, до самой Вестфалии заселил».²¹

Вслед за указанным отрывком начинается изложение фактов чешской истории, представляющее сокращение «Хроники о Чешском королевстве» М. Бельского. Более подробно изложены фантастические, легендарные эпизоды, вроде рассказов о воцарении Пршемысла, пророчествах Либуши, предания о девичьей войне. Когда же изложение доходит до событий исторически достоверных (царствование Болеслава Милостивого), М. Пашков-

Dániey, Szwecyey, Gothyey etc. Zá stáráním tegoż Authorá z wielką pilnością z Laćińskiego ná Polskie przełożona Rozdziałami na X ksiąg kroćiuchno zebrána.

²⁰ Ludwik F i n k e l. Bibliografia. . . , № 11, стр. 1817; см. также статью Д. И. Языкова в книге «Энциклопедический лексикон Плюшара» (т. 13, СПб., 1838, стр. 360—361).

²¹ Kronika. . . przez Alexandra Gwagnina. . . , kś. VI, стр. 34—35: «Ći wprzód obráli byli sobie zamek nád rzeką Krupą / názwany Pśary / potym dla ćiasności mieysćá dáley postą pili na południe. Támże Lech vdał się ku Połnocy / . . . y ośiadł Śląskie y Polskie kráiny puste / á potym zá pomocą Bożą aż do sámey Wisły / wszytkie przyległe kráiny / ziemię Pomorską / y Kászubską / y ine aż do morzá Niemieckiego / gdzie dziś miásto Sztétcin / y Lubek / y Rostok / aż do Westpháliey rozciągnął się. »

ский прерывает рассказ и кончает статью простым перечислением царствовавших до 1611 г. чешских государей.

Различия между «Историей вкратце» и седьмой главой Космографии, которые были указаны выше, иногда можно объяснить неправильным пониманием источника, иногда (примеры 3, 5, 6 из Космографии) — естественной порчей текста.

Приговор Крока легко мог быть истолкован двояко: либо виновный купил другого вола, либо князь только приказал ему купить вола: «Krol... kazał go wnet záprzadz do rługaly orác nimláz inego wołu kupił» (ср. в списках западнорусского Хронографа: «...донели же иного вола купил» или «...купит»). Некоторые примеры убеждают, что как переводчику «Истории вкратце», так и редактору 76-главной Космографии были известны и другие, кроме А. Гваньини, источники, повествующие о Чехии (ср. ссылки на жития Вячеслава и Людмилы в «Истории о Богеме»). Оба они, возможно, знали Хронсграф западнорусской редакции. Не случайно в «Истории о Богеме», как и в Хронографе, опущено описание погребения Борислава. Языческий обряд погребения резко противоречил имеющемуся тут же указанию, что Борислав был первым князем-христианином. Переводчик «Истории о Богеме», по-видимому, знал также самостоятельные списки известного отрывка «Об Иване, королевиче карвацком».

Следует заметить, хотя это и не является предметом нашей работы, что и для остальных глав Космографии (с 6-й по 12-ю, которые не составлены на основе «Атласа» Меркатора) источником послужила книга Гваньини. Соответствующие главы «Истории Европейской Сарматии» буквально следуют тексту М. Бельского, но расположены в другом порядке, который совпадает с последовательностью этих глав в Космографии 1670 г. Единственное исключение составляет статья о Чехии. Она поставлена перед остальными заимствованными статьями. По сравнению с ними она отличается бóльшим объемом и несколькими отклонениями от польского оригинала. Эти отклонения свидетельствуют о том, что составитель Космографии отнюдь не смешивал Чехию с империей Габсбургов. В Космографии подчеркивается, что Чехия является славянским государством. Если М. Пашковский излагает историю Чехии как историю части немецкого государства, то русский составитель отмечает зависимое положение Чехии: «а владеет ею цесарь христианский».²² Если М. Пашковский чешскую статью озаглавливает «О Богемии краткая история», то наш составитель дает заглавие по национальному названию страны — «О Чешском королевстве», добавляя: «Иллирик тож нарицается».²³

Поиски материала, который дополнил бы «Атлас» Меркатора, были вызваны краткостью помещенных в нем сведений о Чехии и о северных странах. Заимствования из книги Гваньини²⁴ восполнили этот пробел, особенно в отношении Чехии, которой у Меркатора не посвящено самостоятельной статьи.

Как мы уже упоминали, на л. 1 ленинградского сборника указывается, что он переведен с польского языка на русский. Переводчик зашифровал свое имя следующим образом: «Преведшаго же имя от Б начинаемо,

²² Космография 1670 года, стр. 63.

²³ Там же.

²⁴ Русские переводчики конца XVII в. не один раз обращались к «Истории Европейской Сарматии» А. Гваньини. Ее перевод с польского на русский известен в двух списках: ГПБ, F.IV.130 и F.IV.180. В заглавии перевода указаны дополнительные статьи, но в тексте их нет. Описание см.: А. И. Соболевский. Переводная литература... стр. 76—78.

в числе 1503 слагаемо».²⁵ С точки зрения математики это не поддается расшифровке,²⁶ так как число сочетаний цифр (букв — в нашем случае), дающих в сумме 1503, крайне велико. Но мы, пытаясь выяснить имя переводчика, исходим из того, что всякая попытка писца, автора или переводчика записать свое имя тайнописью все-таки предполагает какой-то круг лиц, которые могут понять эту тайнопись в силу известных им фактов. Поэтому мы пошли по пути поисков сторонних сведений об имени переводчика.

Среди русских имен только два начинаются на Б — Борис и Богдан. Следовательно, лишь они могут быть первым словом криптограммы. Кроме того, как явствует из двух владельческих приписок, имя человека, которому принадлежал сборник, — было Борис Лукин сын Секиотов (вторая приписка сделана латинскими буквами). Воспользовавшись фамилией Секиоты (по орфографии сборника), можно легко найти, что правилу зашифровки удовлетворяют три сочетания:

Богдан 128	Борисов 450	Сын 250	Секиотов 675	= 1503
Борис 378	Богданов 200	Сын 250	Секиотов 675	= 1503
Борис 378	Борисов 450		Секиотов 675	= 1503

Практически точное решение этой задачи возможно лишь тогда, если мы получим какие-либо дополнительные сведения о переводчике «Истории вкратце». При настоящем положении дел предложенная нами дешифровка весьма относительна. То обстоятельство, что все три варианта имени переводчика, построенные на материалах самой рукописи, удовлетворяют условию криптограммы, делает нашу дешифровку в какой-то степени достоверной (сборник мог быть написан сыном — Богдан Борисов, Борис Борисов — для отца или племянником — Борис Богданов — для дяди). Во всяком случае она может способствовать окончательному решению задачи.

Такая же зашифровка имеется и в рукописи перевода книги Иоанникия Голятовского «Лебедь с перием своим», которая вышла в 1679 г., а переведена будто бы этим самым «1503» в 1683 г., т. е. через четыре года по напечатании.²⁷

Поскольку источник «Истории вкратце» находится в подчиненном отношении к соответствующей части «Хроники» М. Бельского, а «История вкратце» представляет собою достаточно точный перевод оригинала, то естественно, в ней не содержатся куски, выпущенные М. Пашковским из «Хроники» М. Бельского. Если же мы сравним те части, которые есть и в «Истории вкратце» и в русских переводах (например, в первом великорусском) М. Бельского, то заметим, что русский перевод М. Бельского сделан значительно свободнее, чем «История вкратце» (в первом великорусском переводе появляется сообщение, что при Кроеке «люди дворы и домы свои ставили. И множество градов люди наставляли и сел, имения устроили...», указывается точное число воинов, отправившихся под Девин,

²⁵ Было бы натяжкой безоговорочно утверждать, что этот переводчик перевел все включенные в сборник произведения, однако такая возможность отнюдь не исключена.

²⁶ Нам не удалось установить никаких аналогий к данному методу зашифровки. Она относится к случаю не поддающихся расшифровке криптограмм (см.: М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. Л., 1929, стр. 151—157).

²⁷ К. Калайдович, П. Строев. Описание славяно-русских рукописей графа Ф. А. Толстого. М., 1825, отд. II, № 26, стр. 227, 228.

несколько иначе осмыслен эпизод о Чтыраде и т. д.). Наряду с некоторой «вольностью» первый великорусский перевод обнаруживает и другую тенденцию — стремление к тщательной датировке событий: не только сохраняются все даты, имеющиеся у М. Бельского, но иногда привносятся и даты, у него отсутствующие. «История о Бохеме», напротив, точно следует оригиналу.

Но главное различие между «Историей вкратце о Бохеме» и седьмой главой Космографии 1670 г., с одной стороны, и русскими переводами М. Бельского — с другой (т. е., в сущности, между М. Бельским и А. Гваньини) нужно искать в другом: какую роль в «Хронике» М. Бельского, а следовательно и в русских переводах ее, играл материал, выпущенный М. Пашковским и не вошедший в «Историю вкратце» и 76-главную Космографию. Выяснение этого поможет решить вопрос, чем — по сравнению хотя бы с западнорусским Хронографом — привлекало изложение событий чешской истории у М. Пашковского и почему понадобился новый перевод.

Выше были охарактеризованы эпизоды, которые М. Пашковский не включил (или включил, предельно сократив) в книгу А. Гваньини. Все эти эпизоды не носят легендарно-беллетристического характера. Если в «О Чесском кролевстве кронике» (Хронограф) легендарные события чешской истории вполне уравниваются собственно историческими сообщениями, то в «Истории о Бохеме» акцент сделан именно на легендарных фактах. Материал здесь также распределен с понятным расчетом — выделить прежде всего занимательные рассказы о Чехе, пророчествах Либуши, девичьей войне и т. п. Так, в «Истории вкратце» о смерти Каши и Тетки упомянуто тотчас после рассказа о смерти их сестры Либуши. Это устранил перебой, получившийся в Хронографе, где о смерти двух сестер сообщается после длинного рассказа о девичьей войне.

«Изложение всемирной истории было подчинено в Русском хронографе чисто литературным, повествовательным задачам», — пишет Д. С. Лихачев. И далее: «Хронограф делится не на годовые статьи, как русская летопись, а на ряд рассказов с законченным повествовательным сюжетом».²⁸ Глава о Чехии попала в западнорусский Хронограф именно потому, что древнейшая история Чехии в изложении чешских хронистов и М. Бельского представляет собою как раз «ряд рассказов с законченным сюжетом». Но чешская часть «Хроники» М. Бельского — наполовину историческое повествование. «История о Бохеме», в отличие от нее, если можно так выразиться, «сборник легенд», незначительно дополненный перечислением вполне реальных князей и королей. Наличие интереса к отдельным легендам, составляющим древнейшую чешскую историю, подтверждают самостоятельные списки «Ивана, королевича карвацкого» и предания о девичьей войне.²⁹ Лучшим доказательством художественной ценности легенд, освещающих древнейший период истории Чехии, служат известные «Старинные сказания чешские» А. Ираска, построенные в первой части на том же материале, что и «История вкратце о Бохеме».

²⁸ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 335, 337.

²⁹ Их происхождение еще предстоит выяснить.